

Глава 20. Происхождение нефрита

—

Байлянь шел вслед за Нин Муянем, погруженный в свои мысли. Слуги во дворе Сицзиньюань были поражены тем, что старший молодой господин лично явился выручать какого-то лекаря, но и сам Байлянь был удивлен ничуть не меньше.

В те далекие годы, когда он, будучи наложником, безропотно сносил придирки и насмешки хозяев, он только и мечтал о том, чтобы хоть кто-нибудь замолвил за него словечко. Но в огромном поместье Нин каждый был сам за себя: няньки, горничные, геры – кто бы стал ему помогать? Оставалось лишь благодарить небо, если над ним не смеялись в открытую вместе со всеми.

И вот теперь, когда его сердце давно обросло каменной стеной и он научился встречать невзгоды с хладнокровием, кто-то начал его защищать. И защитником выступил тот, о чьем покровительстве он раньше не смел и помыслить. Байлянь невольно вздохнул: воистину, жизнь полна горьких перемен и иронии.

Раздался глухой звук:

— Ой!

Шедший впереди человек внезапно остановился, и Байлянь со всего маху врезался лицом в спину Нин Муяня. Ойкнув, он принялся потирать лоб.

Нин Муянь опустил взгляд на юношу. Он мягко отвел руку Байляня в сторону, чтобы осмотреть место ушиба. Лоб был цел, вот только тот сам его натер до красноты.

Байлянь поднял глаза на Нин Муяня, вид у него был вялый:

— Что такое?

Нин Муянь осторожно отпустил его руку. Видя его отрешенность, он хотел было дождаться возвращения в сад Диму, чтобы утешить его там, но не выдержал:

— Сегодня тебе пришлось пережить несправедливость.

— Я не чувствую себя таким уж обиженным, скорее... — Байлянь помедлил. — Как господин узнал?

— Саньлэн прибежал в Баоаньтан и сказал, что тебя увели люди из Сицзиньюаня.

Байлянь поджал губы:

— Заставил я Саньлэна поволноваться.

— Он весьма предан тебе. — Взгляд Нин Муяня смягчился. Разве он сам не волновался? — Не будь он надежным малым, я бы не приставил его к тебе.

Байлянь про себя усмехнулся: «Опять ты выставляешь себя в лучшем свете».

— Ты и впрямь веришь, что я не крал те вещи?

Нин Муянь тихо вздохнул:

— Если не брать в расчет нефрит... Ты ведь почти неграмотен, зачем тебе сдались свитки?

Байлянь смущенно отвернулся. Поди пойми - похвалили его сейчас или высмеяли.

— Если они тебе нравятся, я могу распорядиться, чтобы пару картин повесили в Тяньмэньдуне.

— Избавь меня от этого. Я и так целыми днями вижу их в кабинете. Если они еще и в моей комнате будут маячить, у меня на глазах мозоли натрутса.

Нин Муянь невольно вздохнул и с какой-то особенной снисходительностью произнес:

— Ну, хорошо.

Увидев мягкую улыбку на лице человека перед собой, похожую на цветение жасмина под весенним ветром, Байлянь почувствовал странное стеснение в груди. Он торопливо отвел взгляд и первым зашагал вперед:

— Пойдемте уже.

Они друг за другом вернулись в сад Диму. Нин Муянь не пошел к себе, а зашел вслед за Байлянем в Тяньмэньдун, сказав, что хочет выпить чаю. Байлянь не стал возражать - в конце концов, весь двор принадлежал этому человеку, а сам он лишь жил здесь из милости.

Саньлэн в тревоге кружил по двору и, увидев, что Байлянь цел и невредим, с облегчением выдохнул:

— Господин, вы в порядке?

Байлянь кивнул. Саньлэн хотел расспросить подробнее, но, заметив Нин Муяня, не посмел болтать лишнего и бросился заваривать чай.

Нин Муянь сел за стол. Цинмо передал ему вещи, которые они забрали с собой из сада госпожи.

— Возвращаю владельцу, — Нин Муянь положил нефрит на ладонь.

Байлянь посмотрел на украшение. Ему казалось, что эта вещь приносит неудачу: и в прошлой жизни, и в этой она приносила лишь беды. Ему уже расхотелось её брать.

— Возьми. Я наведу порядок во дворе. Отныне, если люди из Сицзиньюаня захотят вызвать тебя, им запрещено это делать без моего личного разрешения. Такое больше не повторится.

Байлянь замер, чувствуя, как эти слова согревают душу. Он забрал нефрит:

— Свитки не мои.

Нин Муянь кивнул и отдал свитки Цинмо:

— Отнеси обратно в кабинет.

Когда Цинмо ушел, в комнате остались только двое. Нин Муянь посмотрел на нефрит в руках Байляня, и в уголках его губ заиграла едва заметная улыбка:

— Ты ведь говорил, что оставил его дома?

Байлянь сухо кашлянул:

— Я думал, что оставил, но когда приехал, обнаружил, что он случайно попал в мой узелок.

Саньлэн подал чай. Нин Муянь больше ничего не спрашивал, сделал глоток, и в его глазах засветилась искорка веселья.

Байлянь, видя, что чай допит, сказал:

— Я утомился и хочу немного поспать.

Нин Муянь взглянул на солнце - стоял самый знойный час дня - час У (11:00-13:00):

— Справедливо. Сегодня твой выходной, да и утро выдалось бурным. Отдыхай.

Уже у самых дверей Нин Муянь вдруг обернулся и добавил:

— Байлянь, не принимай близко к сердцу то, что случилось сегодня.

Байлянь не ответил, лишь проводил его взглядом. Выдохнув, он прошел в спальню. Он знал, что жизнь в поместье Нин не будет гладкой, но ощущение того, что за тебя кто-то заступился, было в новинку.

Он прилег на кровать прямо в одежде. Глядя на белый нефрит с красной кисточкой в руке, он ощутил его приятную прохладу и невольно унесся мыслями в далекое прошлое.

.....

В тюрьме Тяньлао всегда было тускло. Сразу за главными воротами длинная лестница вела глубоко вниз. Летом еще куда ни шло, но осенью и зимой из-за отсутствия солнца каменные ступени всегда были влажными и источали ледяной холод.

Байлянь нес коробку с едой, осторожно спускаясь и минуя один ряд камер за другим. Факелы на стенах горели слабо, по каменным плитам то и дело пробегали жирные крысы, заставляя родственников заключенных вскрикивать от ужаса.

Ведущий его стражник, заметив его спокойствие, бросил:

— А ты храбрец.

Байлянь не боялся крыс - в деревне это обычное дело. В голодные годы люди и крысиным мясом не брезговали. Но он боялся самих камер. Железные прутья в неясном свете огня казались ледяными. Пустые камеры были не страшны, но если там сидели люди... Иногда они внезапно бросались к решетке, стараясь схватить прохожего. Заросшие волосами, грязные преступники, просидев здесь долго, теряли рассудок и кидались на людей, словно дикие звери. Стражники били их палками до потери сознания, но те всё равно не разжимали рук.

Поэтому Байлянь всегда проходил коридор с замиранием сердца. Наконец, в самой темной камере в глубине он увидел Нин Муяня. Тот сидел с закрытыми глазами. Услышав шаги, узник открыл глаза и, узнав его, с трудом поднялся, чтобы подойти к решетке.

За те несколько месяцев в подземелье колени Нин Муяня из-за холода стали плохо слушаться.

Даже такое короткое расстояние давалось ему с трудом.

Байлянь поспешно присел. Сначала он достал еду, а затем – заранее приготовленную согревающую мазь для суставов. Время свиданий было ограничено, поэтому, пока Нин Муянь ел, Байлянь ловко засучил его штанины и наложил компрессы.

— Пришел указ от императорского двора.

— У... указ? — Рука Байляня на миг дрогнула. — Что сказал император?

Нин Муянь медленно покачал головой:

— Ссылка.

Но глаза Байляня радостно вспыхнули:

— Ссылка... Значит, тебя выпустят отсюда!

Нин Муянь промолчал, безразлично продолжая жевать скудную еду.

— Молодой господин, что бы ни случилось, главное – не смертная казнь! Пока человек жив, есть надежда.

Нин Муянь посмотрел на компресс. Прошло совсем немного времени, а его ледяные, затекшие ноги уже почувствовали тепло, которое медленно разливалось по жилам. Он поднял взгляд:

— Это ссылка в Линнань. Байлянь, ты хоть знаешь, что это за место?

— Я... я только слышал, что это очень далеко.

— Это в тысячах ли от столицы. Дорога займет полгода, а то и год. У опальных чиновников нет карет – только издевательства конвоиров. И даже если чудом доберешься, Линнань – край дикий и нищий. Гиблые леса, болота, постоянные эпидемии... Долго ли там протянешь?

Байлянь поджал губы:

— Но молодой господин выдержал ужасы тюрьмы Тяньлао, неужели вас испугает дорога?

Нин Муянь вдруг протянул руку и коснулся волос Байляня:

— Я пал так низко, что мне уже нечего бояться. Но... Ты мой наложник. Семью постигло несчастье, и ты не обязан следовать за мной в ссылку. Ты можешь уйти.

Нин Муянь понизил голос:

— Вернись в поместье, войди в мой кабинет. От стола сделай три шага влево. Там можно поднять напольную плитку. На глубине трех чи зарыт ящичек. В нем мои сбережения – тебе хватит на безбедную жизнь. Забирай всё и уезжай из столицы навсегда. Вернись в родную деревню или найди спокойное место. Найди того, кто позаботится о тебе, обзаведись хозяйством и живи простой жизнью.

[*Чи (кит. 尺) — традиционная китайская мера длины, часто называемая «китайским футом», которая на протяжении истории менялась, но в современной КНР стандартизирована как 1/3 метра (приблизительно 33,33 см). 1 чи составляет 1/10 часть чжана и делится на 10 цуней.]

Глаза Байляня мгновенно покраснели. Рука Муяня, даже не касаясь кожи, обдавала холодом.

— В поместье почти никого не осталось. Если я...

Нин Муянь резко отдернул руку, его взгляд стал холодным:

— Уходи.

Байлянь хотел что-то сказать, но подошел стражник:

— Время вышло! Пошел, пошел!

Байлянь подхватил коробку. Он еще долго смотрел на мужчину, стоявшего в сумраке камеры.

Вернувшись, он нашел тайник. Это был небольшой ларец. Внутри лежали документы на собственность в префектуре, два тяжелых золотых слитка и та самая белая нефритовая подвеска...

Байлянь внезапно крепче сжал в руках нефрит. В груди стало тесно, и он глубоко вздохнул.

— Господин устал?

Увидев вошедшего Саньлэна, Байлянь сунул нефрит под подушку и резко сел:

— Нет, просто прилег на минутку.

Саньлэн поставил на стол сладости с кухни:

— Вы точно устали. Но всё-таки, что же сегодня произошло?

Поскольку сегодня всё обошлось благодаря Саньлэну, Байлянь не стал ничего скрывать и вкратце всё рассказал.

— Я и сам в недоумении. Цяожоу всегда казалась такой доброй, когда я видел её во дворе. Не знаю, когда я успел ей так насолить.

Саньлэна прошиб холодный пот. Слава богу, молодой господин вмешался, иначе Байляня бы оклеветали!

— Сестрицу Цяожоу когда-то прислала госпожа, чтобы она прислуживала старшему молодому господину. Раз она была старшей горничной у госпожи, молодой господин из уважения к мачехе оставил её в той же должности в саду Диму.

Байлянь понял: Саньлэн намекает, что Цяожоу не входила в круг доверенных лиц Нин Муяня.

— Но она ведь уважаемая старшая горничная, зачем ей опускаться до такой низости?

Саньлэн понизил голос:

— На самом деле её прислали не только работать, но и чтобы она стала тунфан, а потом, глядишь, и наложницей. Но характер нашего господина в поместье знают все: он не любит девиц вокруг себя. За все эти годы он никого к себе не подпускал. Но многие до сих пор грезят об этом - ведь наш господин не только богат, но и собой хорош, словно небожитель.

Байлянь кашлянул:

— Значит, и Цяожоу он ни разу не звал к себе?

Саньлэн кивнул:

— Наверное, она увидела, как господин доверяет вам и позволяет каждый день бывать в кабинете, вот и затаила злобу.

Байлянь прозрел: «Так вот в чем дело. Ей мало было украсть мой нефрит, она подбросила свои вещи, чтобы обвинить меня в воровстве перед хозяином. Хотела избавиться от бельма на глазу».

Если бы она принесла только нефрит, госпожа могла бы сразу подумать, что у него особые отношения с Нин Муянем. В таком случае она бы только усугубила ситуацию и, из ревности, не захотела этого делать, чтобы не рисковать. Поэтому она решила выставить его обычным воришкой. Кто бы усомнился, что бедняк позарится на деньги?

Однако кто мог знать, что Нин Муянь лично вмешается.

— Господин, не берите в голову, — подытожил Саньлэн. — Раз молодой господин взял дело в свои руки, ей больше не видать службы в нашем дворе.

Мало того, что ей запретили возвращаться во двор старшего молодого господина, так еще и на следующий день по поместью пошли слухи: Цяожоу отправили на работу в загородное имение без права возвращения в дом.

—

<http://bllate.org/book/15039/1412319>